

Интеллигенція и освободительное движеніе ¹⁾.

«Новѣйшая исторія русской культуры отмѣчена одной характерной особенностью, которую можно было бы назвать *раздвоенностью общественнаго сознанія*. У насъ существуетъ не одно, а два общественныхъ мнѣнія живущихъ совершенно самостоятельной жизнью и почти не считающихся одно съ другимъ. Это, съ одной стороны, инстинктивно вырабатываемое, питаемое текущими интересами и непосредственнымъ опытомъ жизни мнѣніе широкихъ слоевъ общества и народа и, съ другой стороны, — свободно развивающееся, руководимое идеальными запросами и теоретическимъ образованіемъ міровоззрѣніе духовнаго авангарда страны — интеллигенціи».

Мы позволили себѣ начать съ этой выдержки изъ статьи, написанной нами совмѣстно съ П. Б. Струве, ²⁾

¹⁾ Въ № 6 „*Полярной Звѣзды*“ помѣщена статья А. А. Кауфмана „Еще о самопознаніи“. Часть этой статьи посвящена отвѣту на возраженія, которыя были представлены мною по поводу тактическихъ соображеній, развитыхъ А. А. Кауфманомъ въ статьѣ „Познай самого себя“ (Пол. Звѣзда № 2). Мои сомнѣнія не вполне разсѣяны указаніями уважаемаго автора, но я полагаю, что дальнѣйшую разработку затронутого А. А. Кауфманомъ вопроса будетъ цѣлесообразнѣе вести не въ полемической формѣ, а путемъ обсужденія вопроса по существу. Въ предлагаемой статьѣ я пытаюсь намѣтить нѣкоторыя основныя теоретическія положенія, которыя, на мой взглядъ, неох димо имѣть въ виду при выработкѣ правильной политической тактики.

²⁾ П. Струве и С. Франкъ. Очерки философіи культуры. 1. Что такое культура? „*Полярная Звѣзда*“ № 2.

потому что въ ней отмѣченъ культурно - психологическiй фактъ, въ которомъ, по нашему мнѣнiю, таится одна изъ сильнѣйшихъ опасностей для успѣха освободительнаго движенiя и который образуетъ источникъ самыхъ мучительныхъ и острыхъ конфликтовъ и недоумѣнiй, переживаемыхъ въ настоящее время освободительнымъ общественнымъ мнѣнiемъ.

Это раздвоенность русскаго общественнаго сознанiя, эта пропасть, отдѣляющая идейную интеллигенцію отъ широкихъ слоевъ общества и народа, никогда не ощущалась съ такою рѣзкою и болѣзненной остротой, какъ въ наши дни, когда вся жизнь завертѣлась въ бурномъ политическомъ вихрѣ. Обособленность интеллигенции отъ народа стала теперь роковой проблемой, которую политикъ долженъ такъ или иначе разрѣшить *практически*, подъ угрозой крушенiя всего его дѣла. Факту этой раздвоенности противостоитъ *требованiе* созданiя объединеннаго общенациональнаго освободительнаго движенiя. Какъ ни великъ и могучъ потокъ этого движенiя—онъ грозитъ ежеминутно разлиться на множество рукавовъ и ручейковъ, которые можетъ всосать въ себя необозримая тягучая тряпина стараго порядка. Душа народа должна найти и осознать себя. Демократическое движенiе должно быть введено въ единое русло, которое прямымъ путемъ приведетъ его къ желанной цѣли. Можно сказать, что разрѣшенiе *этой* задачи образуетъ главную и основную тактическую проблему политической оппозиции. Чѣмъ можно преодолѣть нынѣшнюю раздвоенность общественнаго сознанiя? Какъ спаять въ одно духовное цѣлое интеллигенцію и народныя массы?

Но прежде, чѣмъ искать отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо внимательно и серьезно продумать причины и особенности указаннаго разлада.

Въ пылу политической борьбы не до спокойныхъ и

вдумчивыхъ размышленiй. Борецъ меньше думаетъ о томъ, что есть, чѣмъ о томъ, что должно быть; мѣсто наблюденiя и изученiя занимаетъ оцѣнка, полемика, негодующее требованiе. И на нашихъ глазахъ двѣ Россiи — Россiя интеллигентская и Россiя народно-обывательская, — вмѣсто того, чтобы понять другъ друга и сблизиться между собой, начинаютъ критиковать одна другую, негодовать, осыпать взаимными упреками, грозя разойтись все дальше и дальше. Политическiя направленiя и партii, представляющiя эти двѣ Россiи и по существу имѣющiя одинаковые интересы— вмѣсто того, чтобы быть союзниками, становятся почти врагами. Одни, имѣя въ виду Россiю народно - обывательскую и исходя изъ желанiя овладѣть ею и съ нею сблизиться, готовы отмахнуться отъ всѣхъ традицiй и симпатiй, образующихъ душу интеллигентской Россiи — ту душу, которая болѣе всего преграждаетъ доступъ къ широкимъ массамъ — и негодуютъ на доктринерство и нетерпимость интеллигенции. Другiе, дорожа интеллигентскими традицiями и вѣрованiями, замыкаются отъ народно-обывательской Россiи и бросаютъ тѣмъ, кто хочетъ пойти ей навстрѣчу, упреки въ «буржуазности», «оппортионизмѣ», «приспособляемости» и т. п.

Но прежде, чѣмъ негодовать и клеймить, все же необходимо вдуматься и разсудить. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ скороспѣлаго моральнаго суда, полезно стать, хотя бы на время, въ позицiю безстрастнаго изслѣдователя и вооружиться великимъ девизомъ Спинозы: «Не плакать, не смѣяться, а понимать».

Теперь уже съ достаточной ясностью обнаружилось, что ни та, ни другая изъ враждующихъ фракцiй не можетъ цѣликомъ отказаться отъ своей позицiи, не въ состоянii сдаться и безъ оговорокъ примкнуть къ противоположному лагерю. Для мыслящаго наблюдателя ясно, что въ этой плачевной коллизii повинны не злая воля и не упрямство

и несообразительность отдѣльныхъ людей, а что источникъ ея глубоко коренится во всемъ психическомъ укладѣ русскаго общественнаго сознанія. Что бессмысленно негодовать на «буржуазность» и «оппортунизмъ» широкихъ слоевъ народно-обывательской Россіи, что нелѣпо *предписывать* свыше обществу проникнуться социалистическимъ и республиканскимъ идеаломъ и произвести соответствующій радикальной переворотъ, который удовлетворилъ бы своей законченностью абстрактныя моральныя упования революціонной интеллигенціи—объ этомъ говорилось и писалось не разъ, объ этомъ—что еще важнѣе—громко и неотразимо вопеть вся исторія русской революціи послѣ 17-го октября, и мы считаемъ лишнимъ повторять еще разъ эти соображенія. Но, кажется, еще не была съ такою же опредѣленностью выяснена обратная сторона вопроса—именно аналогичная крѣпость и неразрушимость нѣкоторыхъ особенностей *интеллигентской Россіи* и, слѣдовательно, относительная бесполезность и недостаточность моральнаго ея обличенія или интеллектуальнаго вразумленія.

Пониманію этой психологической неизбѣжности нѣкоторыхъ свойствъ революціонной интеллигенціи, которыя дѣлаютъ вопросъ о ея сближеніи съ народно-обывательской Россіей и о созданіи общенациональнаго освободительнаго движенія столь острымъ и трудно разрѣшимымъ, мѣшалъ доселѣ, намъ думается, одинъ общераспространенный предразсудокъ. Русскій интеллигентъ считаетъ себя—въ этомъ его увѣрилъ Лавровъ—«критически мыслящей личностью», и многіе, смотрящіе [на него со стороны, считаютъ его тѣмъ же. «Критически мыслящей личностью», какъ извѣстно, называется человѣкъ, который не зараженъ никакими предразсудками, не подчиненъ традиціямъ, властвующимъ массама, и который вырабатываетъ свой идеалъ и опредѣляетъ свое поведеніе совершенно свободно, руководясь только критическими указаніями разума.

Эта ходячая, сама уже ставшая традиціей, рационалистическая конструкція существа русскаго интеллигента чрезвычайно препятствуетъ уясненію реальной его природы и установленію здраваго, «критическаго» отношенія къ нему. Исходя изъ этой конструкціи, на интеллигента обыкновенно смотрять только, какъ на «героя», руководящаго «толпой», какъ на прирожденнаго политическаго *дѣятеля* и *вождя*. Съ этой точки зрѣнія совершенно естественно требованіе, чтобъ интеллигенція отказалась отъ своихъ ошибочныхъ и несостоятельныхъ пріемовъ, вдумалась въ сложность и трудность политической проблемы, подлежащей ея разрѣшенію и, какъ подобааетъ истинному вождю, опредѣлила свое поведеніе на основаніи свободнаго критическаго анализа дѣйствительныхъ потребностей жизни. Въ разладѣ между Россіей народно-обывательской и Россіей интеллигентской естественно признается виновной послѣдняя, какъ вообще всякій вождь виновенъ въ томъ, что между нимъ и руководимыми имъ элементами порвалась необходимая связь. Кажется очевиднымъ и безспорнымъ, что только бездарность, упрямство и нетерпимость вождя мѣшаетъ ему одуматься и дѣйствовать такъ, чтобъ сблизиться съ массой. Интеллигенція, этотъ вождь народа, должна чутко прислушаться къ психологіи народа, отказаться отъ своей исключительности, понять нужды жизни и удовлетворить ихъ. Въдѣ не Россія существуетъ для нея, а она—для Россіи, и если между нею и широкой массой не установилось прочное единеніе, то именно она должна переучиться и измѣнить свои пріемы, чтобъ осуществить то, что является ея прямой задачей.

Я не стану отрицать цѣлесообразности и плодотворности такого наставленія по адресу интеллигенціи—постольку, поскольку вообще нельзя отрицать законности и плодотворности всякой *проповѣди*, всякаго обращенія къ уму и сердцу слушателя съ критикой существующаго и съ

требованіемъ осуществленія лучшаго. Неопровержимая логика жизни, быть можетъ, больше всего будетъ содѣйствовать успѣху этой проповѣди и отвратитъ не одно сознание отъ старыхъ идей и привычекъ. Поскольку люди вообще способны переучиваться и перевоспитываться, русская интеллигенція также способна на это, и самый фактъ призыва имѣетъ уже серьезное психологическое значеніе и долженъ быть во всякомъ случаѣ привѣтствуемъ. За всѣмъ тѣмъ я склоненъ думать, что общая точка зрѣнія, лежащая въ основѣ такихъ призывовъ, по существу неправильна, ибо она состоитъ въ признаніи интеллигенціи *въ ея цѣломъ* «вождемъ» и совокупностью «критически мыслящихъ личностей».

Пора, наконецъ, признать, что это есть не болѣе, какъ старый предрасудокъ. Я думаю, можно съ полнымъ правомъ поддерживать парадоксальное, на первый взглядъ, утвержденіе, что *русская интеллигенція есть самый консервативный слой русскаго общества*, въ смыслѣ страстной и убѣжденной преданности цѣлому ряду традицій и «завѣтовъ старины». Этому нисколько не противорѣчитъ безспорный фактъ, что она революционна: ибо она консервативна именно въ своемъ традиціонномъ революціонизмѣ.

Одно изъ характерныхъ отличій Россіи отъ Западной Европы состоитъ въ томъ, что въ Россіи почти нѣтъ консерватизма въ истинномъ смыслѣ слова. Есть привычка къ опредѣленному укладу жизни, есть традиціонная покорность всякому начальству, есть апатія и индифферентизмъ, есть отсутствіе критики—всѣ эти, въ болѣе широкомъ смыслѣ, «консервативныя» черты составляли до послѣдняго времени опору стараго порядка — но глубокой и убѣжденной вѣры въ святость и законность существующаго не было ни у кого. Истинный консерватизмъ возможенъ лишь при наличности извѣстной установившейся культуры, которую есть за что любить и уважать. Такой культуры, по крайней мѣрѣ

въ бытовыхъ условіяхъ жизни, въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ. «Откуда же и взялся консерватизму на Руси?» — писалъ въ свое время умнѣйшій наблюдатель и знатокъ русской жизни, Тургеневъ — «не подойти же къ гнилому плетню и сказать: ты не плетень, а каменный домъ, къ которому я хочу пристраивать!» Традиціи русскаго народа, при всей ихъ силѣ, суть лишь *привычки*, а не *убѣжденія*, и всякое дѣйствительное убѣжденіе освобождаетъ его отъ привычки, идетъ вразрѣзъ съ жизнью, дѣлаетъ изъ него революціонера. Въ политикѣ, какъ и въ религіи, глубокая и страстная убѣжденность почти исключительно на сторонѣ протестующихъ, разошедшихся со старымъ укладомъ жизни, тогда какъ на сторонѣ защитниковъ устоевъ въ лучшемъ случаѣ неразмышляющая привычка, въ худшемъ — покорность только за страхъ, но не за совѣсть. Крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ старый порядокъ никогда не имѣлъ и имѣть не могъ. Вотъ почему стоячая вода русской жизни могла такъ неожиданно превратиться въ бушующій океанъ. Выводъ, который Герценъ сдѣлалъ изъ сравненія русской жизни съ западноевропейской, — именно, что русская жизнь не связана прочными традиціями, что въ ней нѣтъ мѣщанства и консерватизма, — этотъ выводъ до сихъ поръ остается въ силѣ.

За однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Въ пустынѣ русской жизни образовался лишь одинъ культурный оазисъ, и этотъ оазисъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникомъ консерватизма. Мы имѣемъ въ виду русскую интеллигенцію. Интеллигенція, съ тѣми ея бытовыми и духовными особенностями, которыя намъ всѣмъ такъ хорошо извѣстны и которыя въ той или иной мѣрѣ составляютъ неотъемлемую часть души каждаго изъ насъ, сложилась лишь въ 60-хъ годахъ. Традиціи ея не имѣютъ за собой многовѣковой исторіи — и тѣмъ не менѣе онѣ обладаютъ поразительной интенсивностью и силой. Мѣнялись ученія, мѣнялись вожди, съ быстротой,

возможной лишь въ Россіи, свергались только что освященные авторитеты, но духовный складъ разночинца-интеллигента оставался неизмѣннымъ, съ каждымъ днемъ становился все болѣе устойчивымъ и неподвижнымъ, съ каждымъ днемъ привязывался все болѣе страстно и безотчетно къ своей морали, къ своему быту, къ своимъ традиціямъ. Аскетизмъ въ личной жизни, утилитарная мораль въ сферѣ общественной, традиціонный атеизмъ и матеріализмъ въ области религіи и философіи, и, главное, непримиримый радикализмъ, рѣшительный разрывъ съ широкими общественными кругами во всѣхъ понятіяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ—таковъ историческій типъ міровоззрѣнія русской идейной интеллигенціи. Это міровоззрѣніе образуетъ ея религію, ея святыню, и все, что ему противорѣчитъ, отскакиваетъ отъ русскаго интеллигента съ почти физической неизбежностью. Здѣсь дѣйствительно есть что любить, есть что уважать, здѣсь была и есть вѣра, здѣсь непрерывный подвигъ и мученичество,—и все это, какъ моральный цементъ, скрѣпляетъ и связываетъ умъ и душу, подчиняетъ новое старому, оберегаетъ отъ всей остальной жизни. Гонимый правительствомъ, которое не могло противопоставить вѣрѣ этого отщепенца ничего, кромѣ физической силы и деспотической расправы, немногочисленный сравнительно кружокъ революціонной интеллигенціи превратился въ религіозную секту. «Мученичество не есть аргументъ истины» сказалъ Спиноза въ отвѣтъ челоуѣку, убѣждавшему его перейти въ католицизмъ ссылкой на мучениковъ церкви. Но оградиться отъ заражающей и чарующей силы мученичества можетъ только философъ; психологически мученичество остается самымъ сильнымъ аргументомъ на свѣтѣ. И секта революціонной интеллигенціи непрерывно росла и внутренне крѣпла, вбирая въ себя все самоотверженное, пылкое и честное въ русскомъ обществѣ и тѣмъ самымъ заставляя энтузіазмъ, вѣру, дѣйствительныя силы каменѣть въ тради-

ціонныхъ догматахъ религіи радикализма, освященной мученичествомъ.

Въ такомъ состояніи революціонную интеллигенцію засталъ взрывъ русской революціи. Интеллигенція постоянно стремилась слиться съ народомъ, овладѣть его душой и повести его за собой; она отличала народъ отъ обывателя, отъ «буржуазіи», и вѣрила, что народъ—одни имѣли въ виду крестьянъ, другіе—рабочихъ,—не зараженный; «буржуазными» предрасудками и «буржуазнымъ» эгоизмомъ, поймаешь ее и сольется съ ней. Но, оставаясь сектой, она даже ради этой завѣтной цѣли, не хотѣла и не могла отдать ни единого догмата, ни единой привычки мысли и чувства. Полная несостоятельность всей русской жизни, указанное уже отсутствіе прочныхъ нравственныхъ устоевъ у стараго порядка и насущная потребность въ реформѣ политической и соціальной дали возможность революціонной интеллигенціи всколыхнуть Россію и нарушить прежній могильный покой; но управиться съ поднявшейся бурей и руководить ею она была не въ силахъ, и сейчасъ прежнее безсиліе ея подойти къ народу и повести его за собой по прежнему чувствуется съ жгучей остротой, и прежняя пропасть между ней и народомъ снова угрожающе открылась передъ освободительнымъ движеніемъ.

Пропасть эта *должна* быть заполнена—отъ этого зависитъ все. Не надо забывать, что, при всемъ безсиліи интеллигенціи передъ народной стихіей, она сама по себѣ есть *огромная политическая сила*, и можно сказать, что помимо нея и противъ нея политическое обновленіе Россіи столь же невозможно, какъ помимо и противъ народа. Многіе склонны отрицать это. И дѣйствительно, на первый взглядъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ рѣшающее политическое значеніе можетъ имѣть секта, кружокъ, отгородившійся отъ всего общества, явно неспособный на цѣлесообразное руководство движеніемъ, а самъ по себѣ

слишкомъ малочисленный, чтобъ быть *влиятельнымъ* слоемъ народа. Мы старались показать, что интеллигенція есть не вождь, не предводитель, а *слой* русскаго общества, и притомъ отличающійся особенно устойчивымъ консерватизмомъ. Мы хотимъ теперь отмѣтить, что этотъ слой, несмотря его на малочисленность и оторванность отъ жизни, несмотря также на неспособность вести за собой остальное общество, *въ высшей степени влиятеленъ* въ политическомъ отношеніи. Онъ влиятеленъ присущей ему вѣрой и энтузіазмомъ, онъ обладаетъ почти неотразимымъ моральнымъ авторитетомъ, какъ носитель единственной въ Россіи дѣйственной политической религіи—религіи, которой пока никто не смогъ противопоставить иную, столь же активную и столь же заразительную вѣру. Пусть дѣйствія его ошибочны, пусть міровоззрѣніе его теоретично и не согласовано съ реальными нуждами жизни, оторвано отъ взглядовъ широкихъ слоевъ народа,—религіозность, съ которой интеллигенція относится къ своимъ идеаламъ, дѣлаетъ изъ нихъ то, что Фулье называетъ *idée-force*, идею, которая *сама по себѣ* является *общественной силой*. Худо это или хорошо, это есть безспорный фактъ, котораго политикъ не можетъ игнорировать. Именно трезвый наблюдатель, способный безпристрастно смотрѣть на факты, долженъ признать, что въ жизни сила—не только на сторонѣ массъ и ихъ конкретныхъ потребностей, но часто и на сторонѣ тѣхъ идей, которыя, какъ бы далеки онѣ ни были отъ жизни, по какимъ либо причинамъ являются предметомъ религіозно-страстнаго поклоненія. Заразительность идеаловъ русской революціонной интеллигенціи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и является удивительно яркимъ подтвержденіемъ социологической концепціи Фулье объ *идеѣ-силѣ*. Говорятъ, что русскіе политическіе дѣятели находятся въ плѣну у извѣстныхъ литературныхъ и идейныхъ традицій, что ихъ «заѣла интеллигентщина», что они не

могутъ усвоить различія между живой и гибкой партійно-политической дѣятельностью, съ одной стороны, и привычной имъ абстрактно-литературной пропагандой идей—съ другой. Это указаніе по существу безусловно справедливо. Но нельзя упускать изъ виду и обратной стороны дѣла. Та же самая «интеллигентщина», тѣ же самыя литературныя традиціи образуютъ самый сильный и могущественный политическій факторъ,—силу, которая часто слѣпа, но всегда интенсивна и дѣйствена. Эта «интеллигентщина» есть сама уже неискоренимая интегральная часть русской культуры, русской общественной психологіи—и если вполнѣдствіи все это, можетъ быть, измѣнится—въ настоящую минуту съ этимъ нужно считаться, какъ съ реальнымъ фактомъ огромной политической важности.

Нельзя отрицать, что кружковая революціонная интеллигенція въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть дѣйствительно явленіе ненормальное, что она, не будучи связана достаточно крѣпкой и живой близостью къ національному организму, является какъ бы чужероднымъ наростомъ на немъ, возникшимъ благодаря нелѣпымъ и нездоровымъ условіямъ національной жизни. Но въ этомъ наростѣ столько крови, столько живой органической силы, и корни его лежатъ такъ глубоко, что отсѣчь его значило бы обезсилить, можетъ быть, даже убить весь организмъ. Должны быть употреблены тонкіе и сложные приемы лѣченія, чтобъ этотъ наростъ незамѣтно и безболѣзненно рассосался въ тѣлѣ народа.

Оставляя метафоры, можно сказать, что тактика политическихъ группъ, стремящихся преодолѣть традиціонную узость интеллигентскаго міросозерцанія и опереться на широкія массы народно-обывательской Россіи, должна, по отношенію къ революціонной интеллигенціи, быть по преимуществу не полемической, а педагогической, состоять не въ борьбѣ, а въ *воспитаніи*. Тщетна и политически гибельна была бы попытка отвергнуть цѣликомъ революціонную интел-

лигенцію, какъ политически непригодный элементъ, организовать освободительное движеніе внѣ и помимо ея. Кто поставитъ себѣ такую задачу, тотъ будетъ имѣть *противъ* себя одну изъ самыхъ могущественныхъ политическихъ силъ современной Россіи, будетъ имѣть противъ себя самые энергичные, активные и преданные элементы освободительнаго движенія. Трудно, конечно, осуществить одновременно обѣ задачи—политически объединить широкія массы народа и не оттолкнуть отъ себя революціонную интеллигенцію. Но вся новѣйшая исторія русской культуры свидѣтельствуетъ о томъ, что помимо интеллигенціи ничто крупное не можетъ быть осуществлено, и что, слѣдовательно, для созданія общенациональнаго общественнаго мнѣнія обѣ указанныя задачи *должны* быть выполнены. Если ни одна партія не побѣдитъ, не будучи партией народа, то можно также сказать, что ни одна партія въ Россіи не побѣдитъ, не будучи, въ извѣстномъ смыслѣ, *партіей внѣклассовой радикальной интеллигенціи*. Оба полюса русской жизни—Россія народно-обывательская и Россія интеллигентская—должны быть сближены между собой. Съ отвлеченной, неполитической точки зрѣнія можно и нужно критиковать традиціонное міросозерцаніе интеллигенціи, указывать на его односторонность и догматичность. Такая критика будетъ весьма цѣнна и въ политическомъ отношеніи, содѣйствуя перевоспитанію интеллигенціи, прививая ей болѣе широкіе взгляды и тѣмъ искореняя пропасть между ней и народомъ. Но критика никогда не должна вести къ разрыву, и политическая задача въ этомъ отношеніи состоитъ не въ борьбѣ, а въ *соглашеніи*. Къ традиціямъ революціонной интеллигенціи необходимо относиться съ уваженіемъ, какъ ко всякому глубокому убѣжденію; этого въ равной мѣрѣ требуетъ и моральный, и политическій тактъ.

Конечно, формальное соглашеніе съ партіями, въ которыя организовалась революціонная интеллигенція, быть можетъ,

въ настоящую минуту неосуществимо и во всякомъ случаѣ чрезвычайно трудно. Но не нужно за партіями забывать самой жизни и ея болѣе широкихъ и органическихъ теченій. Если бы даже формальное соглашеніе съ революціонными партіями оказалось невозможнымъ—духовно-политическое сближеніе съ революціонной интеллигенціей въ ея цѣломъ возможно и безусловно необходимо. Принять мѣры къ нему—задача именно тѣхъ, кому догматы мысли и привычки чувства не мѣшаютъ понять дѣйствительныя нужды времени, кто способенъ жертвовать своими объективными оцѣнками и теоретической стройностью доктрины ради насущной потребности жизни.

С. Франкъ.